

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 164–170

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 164–170

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-164-170>

Научная статья

УДК 811.111'42(676.1)

Особенности оппозиционного политического дискурса угандийского политика Боби Вайна

А. Б. Алексеев

Институт общественных наук РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, 119571, г. Москва, просп. Вернадского, д. 82

Алексеев Александр Борисович, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры профессиональной языковой подготовки, neuausstatten@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2740-4649>

Аннотация. В статье рассматривается политический дискурс одного из наиболее влиятельных оппозиционных угандийских политиков Боби Вайна, известного острой критикой режима президента Йовери Мусевени, существующего с 1986 г. Боби Вайн, официально начавший свою политическую карьеру в 2017 г., будучи избранным в парламент Уганды, фактически не признает законность нахождения у власти своего идеологического противника. В стране создан политический миф, согласно которому на всеобщих президентских выборах 2021 г. победила оппозиция, а не Йовери Мусевени, который лишь с помощью массовых фальсификаций смог обеспечить свое очередное переизбрание. Исследование проводится на материале текстов интервью, данных Боби Вайном в период 2017–2021 гг. Его актуальность обосновывается необходимостью подвергнуть изучению внесистемный оппозиционный политический дискурс, в том числе в бедных, развивающихся странах, живущих в условиях не демократии, а жесткого авторитаризма. Основным методом исследования является критический дискурс-анализ, разработанный, прежде всего, Т. Ван Дейком, Н. Фэркло, Р. Водак, базирующийся на фундаментальных неомарксистских и фукианских принципах. Выявлено, что угандийский оппозиционный политический дискурс характеризуется акцентированием оппозиций «молодое поколение – старшее поколение», «народ – власть», некоторой пафосностью, утопичностью, мифологичностью, образностью. Боби Вайн неоднократно подчеркивает то, что он представитель угандийского гетто и, в отличие от своего соперника, молод, а поэтому понимает надежды и чаяния большинства угандийцев, уставших от многолетнего правления несменяемого лидера Уганды, а также коррупции, процветающей в стране. В речах политика обосновывается необходимость перемен и отсутствие у оппозиции страха перед будущим – напротив, Йовери Мусевени изображается человеком, потерявшим чувство реальности, больше всего боящимся потерять власть.

Ключевые слова: Африка, власть, дискурс, оппозиция, политический дискурс, миф, Уганда

Для цитирования: Алексеев А. Б. Особенности оппозиционного политического дискурса угандийского политика Боби Вайна // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 164–170. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-164-170>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The peculiarities of the oppositional political discourse of Ugandan politician Bobi Wine

A. B. Alexeyev

Institute for Social Sciences of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 82 Prospekt Vernadskogo, Moscow 119571, Russia

Alexander B. Alexeyev, neuausstatten@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2740-4649>

Abstract. The article analyzes the political discourse of one of the most influential Ugandan opposition politicians, Bobi Wine, who is famous for his scathing criticism of loweri Museveni's regime, existing since 1986. Bobi Wine, who officially started his political career in 2017, the year when he was elected in the Ugandan parliament, actually does not recognize the legitimacy of the rule of his ideological enemy. In the country the political myth is created according to which the opposition, and not Yoweri Museveni, won the presidential elections of 2021. Yoweri Museveni just used mass rigging of votes to ensure his victory. The research is carried out on the basis of interviews given by the oppositional politician in the years of 2017–2021. Its urgency is explained by the necessity to study non-systemic political discourse, including the one that belongs to poor, developing countries living not in democracy but in the conditions of harsh authoritarianism. The main method of the research is critical discourse analysis developed mainly by T. van Dejk, N. Fairclough, R. Wodak and based on the fundamental neo-Marxist and Foucauldian principles. It has been found out that the Ugandan oppositional political discourse is characterized by the accentuation of such oppositions as 'the young generation vs. the older generation', 'people – authorities'. It is also marked by some degree of pathos, the belief in utopian visions and political myths as well as figurativeness. Bobi Wine emphasizes that he represents the Ugandan ghetto and, unlike his rival, he is young. Hence, he can understand the hopes of most Ugandan people who are tired of the many-years rule of the permanent leader of Uganda as well

as the corruption flourishing in Uganda. In the speeches of the politician, the need for changes is explained. The stress is made on the fact that opposition does not have fear of the future while Yoweri Museveni, on the contrary, is portrayed as a person who has lost the sense of reality, and is, most of all, afraid of losing power.

Keywords: Africa, power, discourse, opposition, political discourse, myth, Uganda

For citation: Alexeyev A. B. The peculiarities of the oppositional political discourse of Ugandan politician Bobi Wine. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 164–170 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-164-170>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Уганда – государство, расположенное в Восточной Африке, бывшая британская колония, получившая независимость в 1962 г., страна с непростой историей, пережившая после обретения своей независимости сначала авторитарную политику Милтона Оботе (1966–1971), затем жестокую диктатуру Иди Амина (1971–1979), войну с Танзанией (1978–1979) и последовавшее за ней возвращение президента Милтона Оботе (1980–1985), второй срок правления которого был отмечен масштабными репрессиями, развернутыми против оппозиции. С 1986 г. власть в Уганде находится в руках Йовери Мусевени, который хоть формально и предпринимал попытки реформировать инертную политическую систему страны, согласившись, например, на создание в 2005 г. многопартийного парламента, тем не менее, подвергается резкой критике. Противники действующего президента Уганды указывают на его нежелание покидать высокий пост и предпринимаемые для этого всевозможные меры – поправки к Конституции 1996 г., давшие Йовери Мусевени возможность переизбираться неопределенное количество раз, закон 2018 г. об отмене для главы государства ограничений по возрасту, – а также несоблюдение базовых прав человека, безжалостное преследование активных диссидентов, силовое подавление мирных протестных движений. К тому же по индексу восприятия коррупции, ежегодно составляемому *Transparency International*, Уганда устойчиво занимает пусть и не самое последнее, то весьма низкое место, уступая в том числе многим африканским странам.

В Уганде, где, вопреки введенной многопартийности, если верить свидетельствам критиков режима Йовери Мусевени, любое реальное сопротивление личной власти президента связано с серьезными рисками, не исключая риски здоровью и жизни, заниматься оппозиционной деятельностью нелегко и опасно. В настоящей статье не будем даже мимоходом останавливаться на дискурсивных практиках системной оппозиции, которая в условиях тоталитарных/авторитарных политических систем, как правило, выполняет чисто формальные или, можно сказать, декоративные функции, но подвергнем лингвополитологическому анализу несколько речей Боби Вайна (это его псевдоним, реальное

имя – Роберт Киагуланьи Ссентаму) – в прошлом работника шоу-бизнеса, певца, актера, прославившегося помимо прочего своей филантропской деятельностью, а теперь одного из признанных лидеров угандийской оппозиции, получившего своеобразное признание и со стороны угандийских властей (политика неоднократно арестовывали, заключали под домашний арест, а также, по его словам, подвергали бесчеловечным пыткам, призванным сломить волю к сопротивлению). Несмотря на многочисленные преследования, оппозиционеру удалось добиться определенного политического успеха – в 2021 г. Боби Вайн даже по официальным данным завоевал почти 35% голосов граждан Уганды, тем не менее, проиграв электоральную кампанию своему главному сопернику, преодолевшему 50%-ный барьер, хотя остается под вопросом, в каком масштабе для обеспечения победы действующего президента страны использовались фальсификации.

Материалом исследования послужили три текста интервью, данных Боби Вайном в разное время своей относительно короткой политической карьеры – с 2017 по 2021 г. Актуальность исследования определяется не только недостаточной степенью изученности оппозиционного политического дискурса, в особенности внесистемного, получающего в работах лингвистов значительно меньше освещения, чем, к примеру, официальные речи президентов/высокопоставленных политиков в парламенте, но также политического дискурса в развивающихся странах, порой отмеченного жестким авторитаризмом и вытекающим отсюда неуважением к демократическим ценностям, которые многие – сознательно или бессознательно – воспринимают на Западе в качестве неких данностей или аксиом. Между тем само слово «демократия», в том числе в западном политическом дискурсе, последовательно используется для манипуляции, иногда лишается содержательного наполнения и обозначает всего лишь «хороший способ управления страной» [1]. В России же понятие «демократия» нередко ассоциируется еще с политическим хаосом, перестройкой (катастрофой в терминах А. А. Зиновьева [2, с. 96]) и последовавшими «лихими девяностыми» (выражение «лихие девяностые» и сформировавшийся вокруг него миф возникнут, однако, значительно позднее, отнюдь не в девяностые).

Особенности тоталитарного/авторитарного политического дискурса достаточно хорошо изучены, но сделано это в основном на материале дискурсов прошлых исторических эпох, главным образом, репрезентированных дискурсами фашизма (нацизма) и коммунизма, фактическое отождествление которых бывшее и, к сожалению, остающееся модным как на Западе, так и в нашей стране – вначале в среде некоторых советских диссидентов (по сомнительному принципу «две стороны одной медали»), а впоследствии и видных политиков, – не только не соответствует исторической действительности, поскольку при этом приравниваются друг другу две принципиально отличные идеологии да и государственные системы, но на самом деле является, по мнению писателя В. С. Бушина, клеветой на СССР, навеятой, сыгравшим роковую роль в судьбе союзного государства, а значит, и России [3, с. 392].

Необходимо подчеркнуть неизбежную политическую/идеологическую ангажированность любых исследований тоталитарных/авторитарных политических дискурсов, создающую риск отхода от строго научного функционального стиля. С другой стороны, критическая и политическая лингвистики формировались под воздействием известных антиутопий Дж. Оруэлла, а также лингвополитологических изысканий в сфере языка Третьего рейха, СССР, коммунистических стран Восточной Европы, *la langue de bois* (рус. – деревянного языка) и т.д. – изначально политически неравнодушных областей современного языкознания, в котором, вопреки особенностям научного дискурса, стремление к объективности как некоему идеалу не всегда признается оптимальной исследовательской установкой. Напротив, Т. Ван Дейк убежден, что ученому, работающему в рамках критических дискурсивных исследований (КДИ), следует недвусмысленно выражать свою точку зрения на анализируемую социальную проблему, активно разоблачать несправедливые, незаконные гегемонистические дискурсивные практики, способствующие, например, оправданию расизма, оказывать открытую поддержку так называемым агентам перемен [4, с. 24]. Это, по существу, неомарксистские принципы, в основе которых по-прежнему лежит знаменитый одиннадцатый марксовский тезис о Л. Фейербахе, гласящий о необходимости не просто интерпретировать, но и *изменять* мир: ‘Die Philosophen haben die Welt nur verschieden interpretiert, es kömmt drauf an, sie zu verändern’ [5].

Е. И. Шейгал придерживается мнения, что тоталитарный/авторитарный политический дискурс может быть сравнен с религиозными практиками, а демократический – с научной

коммуникацией. Соответственно, имеет смысл описывать первый – в терминах «косность», «слепая вера», «эзотеричность» и т.п., а второй – в терминах «рациональность», «трезвый скепсис», «ясность» и др. [6, с. 69].

Такой подход, отражая неприятие тоталитаризма/авторитаризма, тем не менее, на наш взгляд, не обязательно верен, поскольку, с одной стороны, неоправданно идеализирует понятие демократии, а с другой, недооценивает силу здравого убеждения, которое вполне может применяться как авторитарными лидерами, так и противостоящей им оппозицией, причем «площадкой борьбы» всегда является дискурс, представляющий собой, по словам М. Фуко, «и инструмент власти, и ее результат, но также препятствие власти, на которое она натывается, начальный этап ... сопротивления ей» [7, р. 101]. В этом контексте речь идет одновременно о *речево*, *языковом сопротивлении*, направленном прежде всего против *лингвистического диктата* [8, с. 248], и *сопротивлении как прямом действии*, не всегда агрессивном/насильственном, – например, важнейшим невербальным элементом дискурса протестного движения желтых жилетов во Франции является само облачение его участников.

Центральной категорией любого дискурса признается власть (др.-гр. Κράτος:) в широком, фукианском понимании данного термина – именно она лежит в основе *кратологического дискурсивного анализа*, соотносящегося с *критическим дискурсивным анализом* (КДА). Как утверждал еще Б. Рассел, «фундаментальный концепт социальной науки – Власть, равно как Энергия – фундаментальный концепт физики» (цит. по: [9, р. 1]).

В политическом дискурсе, особенно в его внесистемной оппозиционной разновидности, вопреки уже устойчиво сложившейся в политической лингвистике традиции, лингвопрагматическую установку, обозначаемую в ряде работ как «борьба за власть», не следует абсолютизировать – на это указывает А. В. Зайцев, выступающий против примитивизации и обеднения политико-политического аспекта изучения дискурсивно-коммуникативного поля политики [10]. Проблема заключается в том, что исследователи часто под властью имеют в виду власть исключительно политическую, игнорируя основное положение французской социологии, а впоследствии и критической лингвистики, восходящее к концепции *le pouvoir* М. Фуко, согласно которому практически любая ситуация социального взаимодействия – а дискурс является прежде всего социальной практикой [11, р. 22] – чревата демонстрацией, (вос)произведе-

нием и трансформацией властных отношений между людьми, и отношения эти подчас принимают не фактуальный, а *фикциональный* характер. Фикциональный (социальный) мир, будучи конструктом дискурса, в определенной степени противоречащим реальному внешнему миру, близок понятиям *фиктивность*, *вымышленность* [12, с. 94], но вместе с тем в области политики принципиально отличается от них – он продукт политического мифа, который имеет смысл интерпретировать не в качестве ложной истории, а сложного сплетения правды и неправды, иррационального в своей сущности.

Приведем пример из дискурса Боби Вайна: *I'm definitely the elected president of Uganda but as it is the junta that took over our country with force of arms in 1986 is still under control of our country, unconstitutionally. Of course, we have to continue fighting to ensure that the will of the people of Uganda is asserted* (<https://www.youtube.com/watch?v=S7JcUv-GpGc>).

Ср.: *Ugandans went to the polls on the 14th of January and they asserted their voices, and the voices have been usurped* (Ibid.).

Пафос и одновременно фикциональный элемент приведенных реплик заключается в том, что не только оппозиционный политик не признает себя побежденным, но утверждает: именно он выступает в роли законно избранного президента Уганды, а не хунта (the junta), узурпировавшая власть в 1986 г. Для придания убедительности своим словам и в особенности избранной формы самоидентификации – «Я президент» – говорящий использует качественное наречие ‘definitely’ (рус. – точно, определенно).

Характеризуя режим Йовери Мусевени, Боби Вайн употребляет эмотивную лексику, относящуюся к семантическим полям «военный переворот» и «беззаконие». Фикциональность дискурса определяется тем, что никто в мире не признал победу оппозиционера на выборах, – напротив, международное сообщество в целом и целое готово к диалогу и сотрудничеству с действующим президентом Уганды. С помощью *миромоделирующей функции дискурса* (термин А. А. Булгаковой [13, с. 82]) Боби Вайн изменяет социальные иерархии – получается, с точки зрения права во главе страны находится он, а лидер «хунты» – просто военный преступник.

Многие ученые, анализируя приведенный речевой фрагмент, наверное, поставили бы вопрос о манипуляции, но ввиду негативной оценочности этого термина, а также отсутствия здесь явных манипулятивных маркеров, за исключением разве что эмотивной лексики, в принципе свойственной политическому общению, на наш взгляд, точнее вести речь о языковой игре в

ее широкой, витгенштейновской концептуализации (нем. der Sprachspiel), представляющей собой одновременно и игру во власть, гармонизирующую общественную жизнь [14, с. 47].

До выборов 2021 г. Боби Вайн, в принципе, признавал (относительную) легитимность президентства своего идеологического противника, но всегда подчеркивал, что его слова адресуются не правящим элитам, а простому народу Уганды: чиновники все равно неспособны понять то, о чем он говорит, – они настолько опьянены властью и богатством, что не слышат оппозицию. Они лицемерны и скрывают от мира правду о том, что происходит с людьми, осмеливающимися бросить вызов коррумпированной системе:

Well, does anybody get surprised when the authorities torture Ugandans and say it's fake? I've nothing to say to them. All I have to say is to the Ugandans, not the authorities. They are so drunk on power, they don't listen to nothing (<https://www.youtube.com/watch?v=3X8hCcc1y8M>).

Используя риторический вопрос, антитезу («All I have to say is to the Ugandans, not the authorities»), политик резко противопоставляет большинство угандийцев правящим кругам страны – он непосредственно обращается к своим соотечественникам и выражает мнение о бесперспективности переговоров с антидемократическим, авторитарным режимом Йовери Мусевени. Те, кто принимает решения в Уганде, охарактеризованы с помощью метафоры ‘drunk on power’, а с целью подчеркнуть их неспособность к диалогу оппозиционер употребляет двойное отрицание, по правилам нормативной английской грамматики недопустимое в речи, но выполняющее важную лингвопрагматическую функцию – таким образом подчеркивается «глухота» властей, их зашоренность от любых законных требований оппозиции.

Боби Вайн открыто говорит о своих личных переживаниях и в особенности о бесчеловечных пытках, которым он подвергся в угандийской тюрьме:

Well, they did unspeakable things to me. They brutally arrested me, beat me, tortured me, abused me and left for dead (Ibid.).

Эпитеты ‘unspeakable’, ‘brutally’ дают адресату представление о том, как обращаются с политзаключенными в Уганде. Риторический эффект достигается и с помощью актуализации синонимов, в том числе обусловленных контекстом. При этом синонимический ряд выстраивается в градуальной последовательности – политика, по его словам, арестовали, избивали, подвергли пыткам и оставили умирать.

Чтобы дискредитировать своего соперника, Боби Вайн апеллирует к чувству страха – весьма

необычной политической стратегии в арсенале оппозиции, действующей в рамках авторитарной политической системы, по определению в таких условиях не обладающей какими-либо средствами прямого политического давления:

*I must say that General Museveni is **scared** not just of me but of the generation of the thousands and thousands of Ugandans that are yearning for change, are not only yearning for change silently but are up to demand what is rightfully theirs. He is **scared** because he has kept people ignorant for a long time until when **our generation** woke up all at once. We must remember that Uganda is a country that has over 80% of citizens that have never seen another president because General Museveni has been president for 35 years. So, yes, he is **scared** of **our generation** and rightly so* (<https://www.youtube.com/watch?v=S7JcUv-GpGc>).

Ключевая лексема процитированного фрагмента речи оппозиционера ‘scared’ – говорящий утверждает, что генерал Мусевени напуган законными требованиями угандийцев, ждущих перемен. Акцент делается на разнице поколений – 75-летний президент, по мнению Боби Вайна, не может найти общего языка с подавляющим большинством молодого населения страны. Он оставался у власти 35 лет и ничего нового предложить уже не в состоянии.

Страх побуждает действующего главу государства проводить еще более авторитарную, репрессивную политику, чем прежде, блокировать доступ оппозиции к СМИ, не давать ей право проводить мирные митинги:

*...I can't be allowed to address any crowd, anywhere I can't be even allowed to access radio or TV stations, especially in the countryside. Why? Because president Museveni is **very-very scared** of the message that we bring. He is **very scared** of the fact that 85% of the population of Uganda is my age and younger. He is **very scared** because he see (sic.) the signs everywhere: people are yearning for change* (<https://www.youtube.com/watch?v=5tUqhQf4kdI>).

Лексема ‘scared’, как видно, усиливается наречием ‘very’, в том числе удваиваемым (very-very). Для оказания должного риторического эффекта Боби Вайн применяет вопросно-ответную форму подачи информации (Why? Because...), параллельные конструкции, анафорический повтор (He is very scared... He is very scared...).

Анафоры встречаются в дискурсе оппозиционного политика достаточно часто и позволяют сосредоточить внимание адресата на основной мысли:

The youth of Uganda are saying, they want better. The youth of Uganda are saying, they want their country back. The youth of Uganda are saying,

they want a country that offers equal opportunity to every Ugandan... The youth of Uganda are saying, it is time, it is our time (Ibid.).

В данном случае главная идея выражается в том, что молодое поколение угандийцев – поколение, к которому относит себя и Боби Вайн, – хочет лучшей жизни, а соответственно, ждет радикальных перемен. Застывшая метафора (англ. trite metaphor) «ветер перемен», известная еще по одноименной речи 1960 г. британского премьер-министра Гарольда Макмиллана, а также нередко используемая в музыке, актуализируется в речах угандийского политика, причем иногда она осложняется компонентом ‘blowing’ (ветер дует), что оживляет метафорический образ:

Well, the wind of change is blowing. It's only those that've decided to cover their ears and eyes that don't see, but the wind of change is blowing. Those of us who were young are now grown. We were babies. Now we are parents. We are demanding the right to shape the future for ourselves and our children and we will stop at nothing (Ibid.).

Не заметить ветер перемен можно только заткнув уши, закрыв глаза – Боби Вайн снова обращается к теме «глухоты», «слепоты» угандийских властей, до которых нельзя «достучаться».

Оппозиционер осуждает коррупцию и кумовство, процветающие в африканской стране, в которой все высшие должности распределены между близкими родственниками/хорошими друзьями президента:

*We want to revive our education system. I mean it is **sad** that the wife of the president whose education is actually questionable is the minister of education. And it is **so sad**, the recent happening in Makerere university and what she said that explains **the regime and the family and the couple** that I ruling over us* (Ibid.).

Эпитет ‘sad’ (рус. – грустно), здесь повторенный дважды, является веской оценочной категорией того, что, по мнению Боби Вайна, происходит в Уганде. Слова ‘the regime’, ‘the family’, ‘the couple’ превращены фактически в контекстуальные синонимы, что указывает на неразрывное родство политики и семейных (кумовских) связей. По утверждению критика угандийского авторитарного режима, жена главы государства некомпетентна и никак не может быть достойным министром образования – должность, которую она получила лишь ввиду положения, занимаемого ею в клане Мусевени.

Печально положение и в области здравоохранения Уганды – неслучайно, что правящие элиты, в отличие от простых угандийцев, никогда не посещают больницы своей страны и лечатся только за границей:

We want to revive our healthcare system. It is sick itself. It explains why our government officials, our leaders actually never go to our hospitals... they fly to country (sic.), to developed countries for treatment while the Ugandans are left to suffer and die. This explains, why we lose more than 19 women every day, not every week, not every month, but every day (Ibid.).

С помощью метафорического эпитета ‘sick’ говорящий уподобляет систему здравоохранения на его Родине больному пациенту – ее необходимо срочно исправлять. Для подтверждения своей точки зрения политик приводит статистические данные, в частности указывая на чрезмерно высокую смертность среди угандийских женщин.

Сам оппозиционер в чем-то имеет привилегии по сравнению с большинством своих соотечественников – в отличие от них он, несмотря на то что подвергается репрессиям, может позволить себе лечение за границей. Тем не менее длительное пребывание за пределами Уганды, вдали от родных и близких, а также товарищей по борьбе, обреченных на нищету и страдание, – своеобразная пытка для него. В интервью, данном в Великобритании, Боби Вайн сказал следующее:

Being here is already torture. I'm away from my family, I'm away from my children, and I'm away from fellow Ugandans who were tortured, you know, I'm only lucky that I've the ability to come for specialized treatment but I'm not scared (https://www.youtube.com/watch?v=3X8hCcc1y8M).

Как видно, с одной стороны, речь идет о пытке (torture) – в прямом и переносном смысле этого слова, а с другой, о везении: подвергнувшись жестокому обращению в тюрьме, Боби Вайн мог все же обратиться по поводу своего здоровья к иностранным специалистам. Тем не менее возврат на Родину для него – единственно возможный шаг, и страха перед будущим он не испытывает (I'm not scared).

Вопреки бедности и плачевному состоянию экономики Уганды, сама страна богатая – в ней есть и плодородные земли, и некоторые полезные ископаемые, и драгоценные металлы. Проблема заключается лишь в том, что все это принадлежит избранному меньшинству, так или иначе связанному с влиятельным кланом Мусевени:

Uganda is enormously gifted with amazing fertile soils. However, the land has been conspicuously owned by one family or one clan or one grouping. We want to put an end to that. We want the natural resources of the country to be actually a property and the benefit of the people of Uganda (https://www.youtube.com/watch?v=5tUqhQf4kdI).

Таким образом, люди Уганды, их интересы, чаяния противопоставлены семье во власти, подчинившей себе богатства африканской страны.

Характеризуя режим президента Йовери Мусевени, Боби Вайн прямо называет его диктаторским и сравнивает с худшими, деспотическими формами правления, опробованными в прочих тоталитарных/авторитарных государствах:

General Museveni has shown use the same trajectory of all the dictators that come in the name of revolutionaries but descend into despised despots who abuse rights with impunity but ultimately they end up in the dustbin of history. So we can almost be sure that it's just the matter of time for General Museveni to end up in the dustbin of history like all the tyrants that have come before him (https://www.youtube.com/watch?v=S7JcUv-GpGc).

Выделенные слова являются синонимами и передают мысль, что президент Уганды ничем не лучше других автократов до него и закончит он так же – его имя будет отправлено на свалку истории (the dustbin of history). Говорящий активно пользуется выразительными возможностями английского языка, обращаясь в том числе к его фонетической стороне, применяя аллитерацию (**descend into despised despots**). Актуализируя модальное значение реплики (So we can almost be sure that...), Боби Вайн передает свою уверенность в том, что диктаторский режим его противника придет к бесславному концу.

Первые шаги к политической трансформации уже сделаны – в 2017 г. Боби Вайн был избран в парламент Уганды:

Well, I said it the day I went to parliament that since the parliament refused to come to the ghetto, the ghetto will come to the parliament (https://www.youtube.com/watch?v=3X8hCcc1y8M).

Употребляя лингвостилистический прием, известный как хиазм, политик утверждает, что с его восхождением на политическую сцену угандийское гетто получило право голоса. Идентификация себя с гетто, с беднейшей и наиболее бесправной частью населения Уганды в принципе составляет лейтмотив дискурса Боби Вайна:

I'm a musician, a social activist, and a ghetto youth who recently – I call it recent but it is 2 years ago – decided to run and become a member of parliament (Ibid.).

Политическая борьба, с точки зрения угандийской оппозиции, может иметь лишь два исхода – либо будет достигнута победа над автократическим режимом, либо революционеры погибнут, стараясь добиться этой цели:

I'm going to continue the fight for freedom and it is the fight that we must either win or die trying (https://www.youtube.com/watch?v=S7JcUv-GpGc).

Модальный глагол ‘must’ передает идею долженствования («мы должны победить»), а раздельный союз ‘either ... or’ указывает, что есть только две альтернативы – победить или умереть.

При этом Боби Вайн делает все же акцент на необходимости следовать букве закона и Конституции – политик не верит в насильственные методы борьбы:

*I've said it before and I'll say it again that we shall continue to fight **legally and constitutionally** for our freedom and if need be we shall **die fighting*** (<https://www.youtube.com/watch?v=5tUqhQf4kdI>).

Ср.: *I don't believe in violence. So we're using and shall continue to use all **legitimate and legal** ways of defending our voice. We want the voice of the people to surpass the voice of the guns* (Ibid.).

Подводя итоги проведенному исследованию, выделим следующие особенности политического дискурса Боби Вайна:

– противопоставление двух поколений Уганды – молодого, ждущего перемен и готового сражаться за достижение лучшего уровня жизни, и людей старшего возраста, находящихся в абсолютном меньшинстве и представленных прежде всего кланом Мусевени;

– противопоставление президента Йовери Мусевени народу, всем угандийцам;

– акцентирование страха, который испытывает правящая элита, и подчеркивание отсутствия страха у оппозиции, несмотря на развернутую кампанию репрессий;

– включение в дискурс моментов личного переживания событий, четко выраженное персоналистское измерение политики;

– избрание форм самоидентификаций, близких большинству/значительной части жителей Уганды («я человек молодого поколения»; «я из гетто»);

– использование некоторых фикциональных дискурсивных элементов, апелляция к политическим мифам (в частности, безоговорочное утверждение, что оппозиция выиграла выборы 2021 г.);

– определенная степень пафосности и утопичности;

– выразительность, активное обращение к лингвостилистическим возможностям английского языка, проявляющееся в том числе в употреблении ярких эпитетов, метафор, риторических вопросов, антитез и т.д.

Список литературы

1. *Shawqi K.* Manipulation of meaning in political discourse. URL: <http://www.iasj.net/iasj?func=fulltext&aId=84459> (дата обращения: 16.12.2016).
2. Кто сегодня делает философию в России : в 2 т. / сост. А. С. Нилогова. М. : Поколение, 2007. Т. 1. 576 с.
3. *Бушин В. С.* Неизвестный Солженицын. М. : Алгоритм, 2006. 448 с.
4. *Ван Дейк Т.* Дискурс и власть : Репрезентация доминирования в языке и коммуникации : пер. с англ. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
5. *Marx K.* Thesen über Feuerbach. URL: <https://www.marxists.org/deutsch/archiv/marx-engels/1845/thesen/thesfeue-or.htm> (дата обращения: 22.06.2021).
6. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. М. : Гнозис, 2004. 326 с.
7. *Foucault M.* The History of Sexuality: An Introduction. Hammonsworth : Penguin, 1978. 168 p.
8. *Копнина Г. А.* Речевое сопротивление навешиванию политических ярлыков как способ защиты в информационно-психологической войне // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, вып. 11. С. 248–253. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.52>
9. *Locher M.* Power and Politeness in Action. Disagreements in Oral Communication. Berlin : Mouton de Gruyter, 2004. 385 p.
10. *Зайцев А. В.* Лингвополитология vs политическая лингвистика : возможен ли диалог? // Litera. 2012. № 1. С. 25–81. <https://doi.org/10.7256/2306-1596.2012.1.150>
11. *Fairclough N.* Language and Power. London : Longman Group, 1989. 259 p.
12. *Стырина Е. В., Мартиросян А. А.* Элементы фикциональности в медиатекстах : столкновение реального и вымышленного // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 1. С. 92–105.
13. *Булгакова А. А.* Создавая новый мир : принципы трансмедийного сторителлинга в новостном дискурсе о пандемии COVID-19 // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2021. № 3 (42). С. 82–90.
14. *Равочкин Н. Н.* Языковые игры в сфере политики и права : аналитические философы vs постмодернисты // Вестник Московского государственного педагогического университета. Серия : Философские науки. 2020. № 2. С. 46–53. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2020.34.2.05>

Поступила в редакцию 31.01.2022; одобрена после рецензирования 10.02.2022; принята к публикации 15.02.2022
The article was submitted 31.01.2022; approved after reviewing 10.02.2022; accepted for publication 15.02.2022